

Модин Михаил Александрович, старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин юридического факультета, ВЮИ ФСИН
России, г. Владимир, Российская Федерация,
e-mail: m_mod55.ru@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В ПЕРИОД НЭПА

Аннотация: в данной статье рассматривается нормативно–правовое
регулирование правоохранительных органов в период новой экономической
политики, в частности становление отдельных нормативно-правовых актов,
определяющих порядок деятельности правоохранительных органов в
рассматриваемый период.

Ключевые слова: государственная собственность, правоохранительные
органы, милиция, уголовный розыск, органы дознания, нормативно-правовые
акты.

Modin Mikhail Alexandrovich, Senior Lecturer, Department of State Legal
Disciplines, Faculty of Law, VUI FSIN of Russia, Vladimir, Russian Federation,
e-mail: m_mod55.ru@mail.ru

ORGANIZATIONAL SUPPORT OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES DURING THE NEP PERIOD

Abstract: This article examines the regulatory and legal regulation of law
enforcement agencies during the period of the new economic policy, in particular, the
formation of certain normative legal acts defining the procedure for the activities of
law enforcement agencies during the period under review.

Keywords: state property, law enforcement agencies, police, criminal investigation, bodies of inquiry, regulatory legal acts

Рост преступности в стране всегда будет серьезной угрозой для развития государства, в результате чего любые изменения в области государственной и общественной жизни требует, прежде всего, чтобы свести к минимуму последствия воздействия растущей преступности. В связи с этим, реформа органов, осуществляющих расследование преступлений, направлена на повышение эффективности правоохранительной деятельности государственного механизма [Надикова 2014: – 94.].

Научные исследования в этой области направлены на дальнейшее повышение эффективности ее работы и требует регистрации и возможного использования результатов накопленного исторического опыта в современных условиях. В этой связи значительный интерес представляет история Народного комиссариата внутренних дел РСФСР, который был органом исполнительной власти с обширным опытом [Котельников 2015: 36 – 42]. Среди задач, возложенных на него, и включали в себя расследование преступлений. Опыт его восстановления и адаптации к постоянно меняющимся условиям, в зависимости от политической и экономической ситуации в стране (гражданской войны, интервенции, беспрецедентный рост преступности и т.д., а также с переходом к миру), может быть использован для создания следственного органа, отвечающего всем потребностям современного общества.

Таким образом, во время Великой Октябрьской социалистической революции прежняя система правоохранительных органов прекратила свое существование. Никаких конкретных указаний относительно организации новых органов предварительного следствия не было дано, поэтому органы по борьбе с преступностью, проводившие предварительное расследование, были созданы в зависимости от оперативной ситуации в регионе. Эти органы были созданы Советами на местах, исходя из собственного опыта.

Все Советы рабочих и солдатских депутатов на данном периоде учредили рабочую милицию, которая находилась всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов. Военные и гражданские власти обязаны были содействовать вооружению рабочей милиции и снабжению ее техническими силами вплоть до казенного оружия. Интересным является тот факт, что настоящий закон был введен в действие по телеграфу.

Но такой подход оказался нежизнеспособным — в результате милиция стала представлять собой массовые самостоятельные организации. Поэтому уже в марте 1918 года комиссар НКВД поставил перед Правительством вопрос об организации штатной советской милиции. 10 мая 1918 года коллегия НКВД решила, что: «Милиция существует как постоянный штат лиц, исполняющих специальные обязанности. Организация милиции должна осуществляться независимо от Красной Армии — функции их должны быть строго разграничены» [Кудрявцев 2013: 157-162.]. 21 октября 1918 года НКВД утвердил Инструкцию об организации советской рабоче-крестьянской милиции. 3 апреля 1919 года был издан декрет «О советской рабоче-крестьянской милиции (РКМ)», согласно которому сотрудники милиции не подлежали призыву в Красную Армию. НКВД предписывалось содержать в действующей армии лишь одну треть милиционеров и половину командного состава милиции. Однако в РКМ вводили военную дисциплину и обязательное обучение военному делу. Части милиции, которые находились в районах боевых действий, могли привлекаться к участию в них. Содержание всех видов милиции производилось за государственный счет.

Кроме общей милиции вскоре появились и специализированные ее виды. Так, 21 февраля 1919 года было издано постановление «Об организации железнодорожной милиции и железнодорожной охраны», а ранее, 25 июля 1918 года - декрет «Об учреждении речной милиции» [Токарева 2016: 110-124]. Вначале структуры железнодорожной и речной милиции складывались по территориальному принципу, затем их формирование стало происходить по линейным отделам на каждой из железных дорог и по бассейнам водных путей.

Осенью 1919 года, после изучения состояния охраны на промышленных предприятиях, НКВД было принято решение об организации промышленной милиции: задачей ее становилась борьба с хищениями государственной собственности.

Для более активной борьбы с преступностью органы Всероссийского Чрезвычайного Комитета и милиции были объединены резолюцией «О взаимоотношениях между местными ЧК и милицией». Резолюция постановила вводить в отделы милицейского управления председателей ЧК. Кроме того, в органах милиции создавались и научно–технические подразделения: кабинет судебной экспертизы, регистрационное и дактилоскопическое бюро, даже музеи. Снабжение милиции продовольствием, снаряжением, обмундированием, вооружением, обеспечение семей милиционеров производилось за счет государственного бюджета. В 1920 году было принято постановление «О снабжении милиции продовольствием, фуражом и предметами первой необходимости на общих основаниях с частями Красной Армии». Так, в октябре 1920 года аппарат Главного управления милиции РСФСР состоял уже из восьми отделов: уездно–городского (общего), промышленного, железнодорожного, водного, следственно–розыскного, инспекторского, отдела снабжения и секретариата [Позднякова 2015: 101 – 107].

После амнистии марта 1917 года всем преступникам, осужденным до февраля, Россию наводнили рецидивисты. Только в Москве и Московской губернии действовало более тридцати банд. Во многих из них насчитывалось до сотни стволов, оказавшихся в руках профессиональных преступников.

Следует отметить, что в первых нормативных актах, изданных после Октябрьской революции, термин «дознание» не использовался, и все действия по установлению признаков и обстоятельств преступления назывались эквивалентными терминам «расследование» и «следствие», которое было поручено следственным комиссиям или постоянным местным народным судьям. Дознание, как термин, впервые был отражен в «Инструкции следователям ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», выработанной

на Всероссийской конференции ЧК 13 июня 1918 г.: «ЧК по делам контрреволюционным, спекулятивным и преступлениям по должности не ведут следствия в полном объеме, а лишь производят предварительное дознание». «Цель предварительного дознания – раскрытие существенного государственного преступления» [Соловьев 2015: 36 – 46]. Большое значение для правового регулирования дознания имела Инструкция «Об организации и действии местных народных судов», утвержденная НКЮ Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс» РСФСР 23 июля 1918 г., в которой дознание впервые было признано самостоятельной формой предварительного расследования. Накопленный в первый год опыт правового регулирования был обобщен в Инструкции НКВД РСФСР и НКЮ РСФСР «Об организации Советской Рабоче-крестьянской Милиции» от 12 октября 1918 г., уделившей значительное внимание вопросам. В инструкции подчеркивалось, что в обязанности милиции по охране безопасности и общественного благоустройства, помимо прочих, входит «производство дознания по уголовным преступлениям и проступкам и содействие исполнению судебных приговоров» [Колемасов 2016: 85 – 92].

Эта инструкция к компетенции милиции включала дополнительные обязанности по производству дознания, которые были определены следующим образом: производство розыска и дознания по уголовным делам под руководством и указаниями народных судей и следственных комиссий; исполнение приказов судебных и следственных органов о задержании и привлечении к суду лиц, причастных к преступлениям или допросе обвиняемых, задержании подозреваемых в преступлениях и препровождении их в местные народные суды или следственные комиссии для вступления в члены; привлечение к уголовной ответственности обвиняемого и других участников уголовного процесса, а также взятие под стражу (по соответствующему судебному приказу); исполнение приговоров суда; доставка повестки в суд (при отсутствии специально уполномоченных лиц); хранение вещественных доказательств; производство обысков, проверок и изъятий в

соответствии с решениями народных судов и следственных комиссий, а в отдельных случаях – по собственной инициативе для предотвращения сокрытия следов преступления [Соловьев 2015: 38].

Инструкция предполагала обязательную подготовку. Для каждого случая задержания лица, участвующего в преступлении, полицейские были вынуждены составить отчет "точное место назначения, дата и час задержания, а также основания и применение этой меры." В дополнение к вышесказанному, инструкция устанавливает обязательное участие представителя домового комитета (управляющий директор или руководитель дома), а в деревнях – по крайней мере, двух соседей в качестве свидетелей при производстве таких процедур, как обысков, проверок [Соловьев 2015: 392 – 400].

Вышеупомянутые нормативные акты, в основном, касались различных отдельных аспектов правового регулирования деятельности органов дознания. Их разработка и принятие следует рассматривать как свидетельство интенсивного поиска какого-то универсального решения, одно из которых сводилось к необходимости создания единого следственного и поискового аппарата и передачи уголовного расследования в юрисдикцию НКЮ РСФСР [Кудрявцев 2013: 157 - 162].

При разработке данного курса весной 1920 г. решение о создании единого следственного и следственного аппарата было переведено в практическую плоскость, а 2 апреля 1920 г. Коллегия НКВД РСФСР под председательством Ф. Э. Дзержинского решила «признать слияние уголовного розыска и следствия необходимым», тем самым объединить всю борьбу с преступностью «создать специальный постоянный орган при исполнительных комитетах, подчинив его НКВД РСФСР» [Соловьев 2015: 36 – 46]. Таким образом, уголовный розыск стал вспомогательным органом в отношении НКЮ РСФСР в области дознания, а в исключительных случаях даже в ходе предварительного следствия в порядке замены следователей трибуналов или народных следователей.

Советская система уголовного розыска возникла в октябре 1918 года для «охраны революционного порядка путем негласного расследования

преступлений уголовного характера и борьбы с бандитизмом». Центральное управление уголовного розыска было утверждено внутри управления милиции на правах отдела. До этого уголовный розыск существовал в крупных городах, но не был централизованным, к тому же почти все старые кадры были расстреляны. Возникла необходимость создания новой розыскной системы.

Согласно Положению НКВД от 5 октября 1918 года, органы уголовного розыска учреждались в городах с населением не менее 40–45 тысяч человек. Для того, чтобы укрепить аппарат уголовного розыска, как и в милиции, заведующими уголовно–розыскными отделениями назначали сотрудников ЧК. В феврале 1919 года Центральному розыску с утверждения Главмилиции предоставлялось право открывать отделения в городах с населением менее 40 тысяч человек, если того требовало количество преступлений. В апреле 1920 года органы уголовного розыска и следственные органы милиции были слиты в одно целое, но уже в конце 1920 года, после появления должности народного следователя, милиция перестала выполнять следственные функции. С середины 1920–х годов в уголовном розыске вводятся и профилактические меры. В феврале 1926 года в уголовные розыски округов поступило распоряжение: «Негласному учету и изучению подлежат все рецидивисты, подпадающие под таблицу распределения преступников по родам преступлений, а также весь социально – паразитический элемент, как то: профнищие, проститутки и прочие» [Позднякова 2015: 103].

Учреждение должностных знаков сотрудников отдела уголовного розыска относится ко времени создания центрального административного управления (ЦАУ) в составе НКВД РСФСР – август 1923 года. Это управление объединило руководство Главного управления милиции, Центrorозыска и административного отдела. Служебные знаки сотрудников уголовного розыска были небольшого размера и имели специальное крепление. Их носили с тыльной стороны верхней одежды. Снаружи знак маскировался другим знаком и, в сущности, выполнял функцию служебного удостоверения. Свои знаки вскоре появились у сотрудников московского и ленинградского уголовных

розысков. Те, кого принимали на работу в уголовный розыск, должны были отвечать определенным требованиям: не лишены избирательных прав, не судимы за уголовные преступления в прошлом, не служили в белой армии, были не моложе 21 года, годные по состоянию здоровья.

Во главе Московского Управления уголовного розыска в апреле 1919 года был поставлен матрос–большевик Александр Максимович Трепалов. Его считают одним из прототипов собирательного образа знаменитого героя повести «Эра Милосердия» братьев Вайнеров и художественного фильма «Место встречи изменить нельзя!» Глеба Жеглова. Трепалов стал первым начальником МУРа, будучи опытным чекистом и одним из ближайших соратников Дзержинского. Именно Феликс Эдмундович, по легенде, направил Трепалова на работу в милицию без исключения из штата ВЧК для того, чтобы очистить Москву от бандитизма [Сафонова 2015: 188 – 190].

В ноябре 1918 года коллегия НКВД впервые утвердила форму обмундирования и знаки отличия рабоче–крестьянской милиции. Но из–за общей разрухи в стране сначала изготовили небольшое количество комплектов утвержденного обмундирования и знаков. В основном, с 1917 по 1923 годы работники РКМ носили обмундирование Красной Армии с особой отличительной повязкой. Она стала основным атрибутом РКМ в самом начале формирования.

2 марта 1917 в Гатчине, как и в других местах, получивших распоряжение телеграфом, была образована комиссия для набора и организации милиции (в числе ее руководителей значился родственник Ленина – Крупский). Через 10 дней после начала записи в милицию в списке значились уже 187 фамилий. Тогда же была принята «Временная инструкция милиционерам Гатчинской городской милиции». Последний ее пункт гласил: «Милиционер, находящийся на посту, или в патруле, должен иметь: на левом рукаве установленную повязку со знаком «Г.Г.М», с печатью Временного Комитета граждан города Гатчины и номером милиционера; удостоверение, выданное Бюро милиции; оружие; свисток».

Провести запись в милицию оказалось несложно, сложности возникали с ее вооружением (оно производилось в основном за счет армии) и обеспечением заработной платой. Присутствие армейской символики заметно в командирских знаках милиции, чему способствовало постановление Совета рабоче–крестьянской обороны от 13 февраля 1920 года о приеме в милицию красноармейцев. Знаки РКМ 1920–х годов изготавливались различными фабриками, вследствие чего появилось много их разновидностей.

После окончания Гражданской войны вопрос о введении форменного обмундирования и знаков для РКМ (которые отличались бы от подобных им в армии) возник снова. В ноябре 1922 года ВЦИК РСФСР утвердил новую форму и знаки различия для рабоче–крестьянской милиции. Предусматривалось, что форма и знаки должны быть введены не позднее 1 января 1924 года. Вскоре знаки снова претерпели изменения. 6 марта 1926 года приказом Центрального административного управления была изменена форма знака командного состава милиции. 2 июня того же года изменился и нагрудный знак рядового состава РКМ, а 3 сентября — знак сотрудников вневедомственной милиции. Нагрудные знаки РКМ образца 1926 года просуществовали до ликвидации НКВД РСФСР в 1930 году. В середине 30–х учреждение и ношение должностных знаков в системе МВД СССР прекратилось на целых 50 лет [Сафонова 2015: – 189].

Железнодорожная милиция была образована в структуре НКВД постановлением ВЦИК от 18 февраля 1919 года. Но проведение новой экономической политики (НЭП) повлекло за собой перестройку всего государственного аппарата. Сначала приказом ВЧК 1921 года железнодорожная милиция была лишена функции борьбы с хищениями грузов и железно-дорожного имущества, а через пять месяцев была вовсе упразднена. Борьба с преступностью на железных дорогах теперь полностью возлагалась на ВЧК, а охраной перевозимых грузов занимался сам перевозчик – народный комиссариат путей сообщения. В 1937 году железнодорожная милиция была воссоздана.

Речную милицию учредили 25 июля 1918 года. В 1920 году речная милиция получила название «водной». В декабре 1921 года водная милиция, как и железнодорожная, была упразднена, а ее функции передали транспортному отделу ВЧК. В 30–е годы начали возникать речные отделы милиции территориального подчинения — например, речной отдел московской милиции. 27 июня 1942 года водная милиция была воссоздана. Сотрудники железнодорожной и водной милиции имели свои знаки отличия [Мальчук 2016: 161 - 165].

В условиях гражданской войны и иностранной военной интервенции, с продолжающимся ростом преступности Советское правительство было вынуждено принять меры, диктуемые ситуацией. ВЧК и ее местные органы уголовного расследования ряда крупных городов получили право на использование внесудебных репрессий: Коллегией чрезвычайных комиссий — вплоть до расстрела, коллегии уголовных розысков своими решениями могли изолировать в лагеря на срок до трех лет. Расследование проводили в таких случаях в упрощенном виде, возможность внешнего контроля и надзора за законностью действий органов дознания были сведены к минимуму. Произошло стирание линии между дознанием и следствием.

Необходимо отметить, что конец войны, переход к новой экономической политики привели к масштабным преобразованиям во всех сферах общественной жизни, в том числе в организации борьбы с преступностью.

Достаточно сказать, что в 1921 г. Главным управлением милиции были изданы ряд приказов, регламентировавших порядок дознания («О деятельности уголовно розыскных учреждений», «О правилах производства обысков» и др.). Так, приказом начальника милиции РСФСР № 21 от 9 марта 1921 г. «О деятельности уголовно–розыскных учреждений» акцентировалось внимание на взаимоотношениях между уголовно–розыскными органами и внешней милицией при выявлении правонарушений, содержащих в себе признаки уголовного преступления [Камалова 2012: 11 – 14].

Указанные положения разграничили обязанности уголовного розыска и полиции по следующим основаниям: в прямые обязанности входило общее полицейское расследование, независимое производство осуществлялось лишь по незначительным преступлениям, которые не представляли большой опасности для общества, которые включали в себя и обязанность оказывать непосредственную помощь расследованию преступления; в исключительные обязанности уголовного розыска входило производство оперативно–розыскной деятельности, а также основные – осуществление дознания по большей части преступлений (за исключением юрисдикции полиции)[Камалова 2012: 12].

Приказ начальника милиции РСФСР № 24 от 16.03.1921 «О правилах производства обысков» содержал инструкции для сотрудников милиции, участвующих в обыске. Таким образом, основой для поиска было наличие достаточной информации о том, что в местах его проведения могут быть существенные доказательства, необходимые для оперативного раскрытия дела или разыскиваемого преступника, как в соответствии с пунктом 1 Приказа – «Поиск – это вторжение в самую скрытую сферу частной жизни граждан. И должно быть сделано только в случае чрезвычайной ситуации». В таких случаях требованиями постановления были: подозрение лица, причастности участия его в совершении преступления; допуск соответствующего органа; качественно проверенное расследование по устному или письменному заявлению. В этом приказе также предусматривалось обязательное присутствие сотрудника, который производил обыск ордера, выданный начальником уголовного розыска [Соловьев 2015: 39].

Таким образом, производство дознания все еще находилось в ведении отдела уголовного розыска. 25 мая 1922 года на 3–й сессии ВЦИК IX созыва был принят Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР, в который вошли: органы милиции и уголовного розыска; органы Государственного Политического Управления, а также органы налоговой, продовольственной, санитарной, технической, торговой и трудовой инспекции по вопросам, входящим в их компетенцию; государственные учреждения и должностные

лица по делам о правонарушениях, подлежащих дисциплинарному взысканию, которые «могут производить дознание о таковых с тем, что дело в течение 3–х суток передается по подсудности, если оно не направлено в административном порядке» [Колемасов 2016: 89].

Уголовно–процессуальный кодекс 1922 года содержал обширную систему процессуальных норм подробно регламентирующих деятельность органов дознания по расследованию преступлений. Таким образом, гл. 8 «О дознании» устанавливала определенное различие между дознанием и полицейским расследованием, проведенного следователем. Дознание рассматривалось в качестве простейшего предварительного следствия (первоначального разбирательства), и его процессуальные функции различались в зависимости от того, были ли они действительны в тех случаях, когда предварительное расследование необходимо, или в тех случаях, когда предварительное следствие не обязательно. В преступлениях, где проведение предварительного следствия было необходимо, следственные органы ограничивались производством неотложных следственных действий.

УПК РСФСР 1923 г., являвшийся редакцией УПК 1922 г., в основном сохранил процессуальную регламентацию дознания, принятую последним, но более четко определил процессуальные полномочия органов дознания в зависимости от характера находившихся в производстве уголовных дел. Так, в УПК РСФСР 1923 г. указывалось, что функции органов дознания различаются в зависимости от того, действуют они по делам, по которым производство предварительного следствия является обязательным, или по которым акты дознания могли служить основанием к приданию обвиняемого суду без производства предварительного следствия (ст. 98), так как последнее было обязательно лишь по делам, рассматриваемым губернскими судами и трибуналами, по всем остальным – предварительное следствие и отдельные следственные действия производятся по особому постановлению народного судьи или по предложению прокурора [Соловьев 2015: 395].

Требования ст. 99 Уголовного кодекса РСФСР 1923 года установили, что сотрудники следственного органа вправе проводить такие процессуальные действия, как: допрос подозреваемых и свидетелей; изъятия, обыски, проверки и обследования (в случаях достаточных оснований полагать, что следы преступления и другие вещественные доказательства могут быть уничтожены или скрыты). О всех процессуальных действиях, предпринятых в порядке настоящей статьи, органы дознания были обязаны незамедлительно информировать прокурора, а в случаях, когда предварительное следствие является обязательным, также следователя. Требования настоящей статьи не исключали возможности сотрудников дознания, проводить расследование, и осуществлять других процессуальные действия, однако было указано, что они могут быть начаты только с разрешения прокурора или же в присутствии последнего. Если материалы отправлялись в следственный орган, последний, в случае признания его достаточно полным, имеет право не исследовать, а ограничивается производством таких следственных действий, как привлечение лица в качестве обвиняемого, его допрос, составление обвинительного заключения [Камалова 2012: 13].

Необходимо отметить, что на данном этапе в милиции проявлялось в завуалированной форме сокрытие преступлений от учета. В случаях с незначительным материальным ущербом расследование не начиналось до обнаружения подозреваемых. Материалы хранились как простая переписка, дело не поднималось, а было указано в «поисковых» материалах. Такая форма «расследования» открыла возможность для безответственного отношения к делу, поскольку показатели раскрытия были благоприятными и для прямого злоупотребления. Это явление имело некоторые объективные причины. Милиция часто была перегружена небольшими «делами» время от времени по незначительным суммам (например, украдена почтовая марка), которые они не имели права самостоятельно прекращать их до 1929 года. Желание «разгрузиться» от таких дел нашло свое отражение в циркуляре НКВД и НКЮ РСФСР от 3 ноября 1930 г. «О замене формального расследования по делам о

мелких кражах активным розыском» [Нагорная 2013: 126 – 132.]. Данным циркуляром предусматривалось, что по совершенным преступлениям неустановленным лицом расследование не заводилось, а осуществлялся активный розыск виновных лиц, о чем непосредственно уведомлялась потерпевшая сторона. Сотруднику, осуществлявшему активный розыск, направлялась выписка с похищенным. Для осуществления активного розыска выделялось две недели, после чего материалы по его проведению подшивались в особый наряд с соответствующим уведомлением об этом потерпевшего. Такие заявления подлежали включению в статистические данные и указывались в отчетности.

В 1929 году, с принятием постановления ВЦИК и СНК РСФСР, был значительно расширен объем дел, относимых к компетенции дознания, тем самым, фактически, уравнив с полномочиями следователя. Практическое применение данного постановления повлекло за собой значительную передачу расследования дел органам дознания милиции и органам уголовного розыска [Нагорная 2013: 129].

Рассмотрев правовое регулирование правоохранительных органов периода НЭП, необходимо отметить следующее:

1. В годы нэпа основу правоохранительных органов в борьбе с преступностью составляла рабочая милиция, которая хоть и не относилась к числу штатных государственных органов, однако она привлекалась к предварительному расследованию преступлений.

2. Впервые термин «дознание» появился в 1918 году на основании «Инструкции следователям ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией», а милиция приобрела статус органа дознания. Этой же инструкцией дознание приобрело самостоятельную форму, материалы дознания стали носить доказательственное значение.

3. На начальном этапе НЭПа, а именно еще в 1921 гг. дознание не имело четкой правовой регламентации, однако его процессуальные формы были взяты в основу уголовно–процессуального законодательства.

4. К концу 1923 года дознание и предварительное следствие стали двумя этапами предварительного расследования преступлений, поскольку границы между органами, выполняющими эти функции, в принципе не были установлены. Эти изменения в уголовно–процессуальном законодательстве еще более приблизили дознание к предварительному расследованию.

В целом, нормативно–правовое регулирование правоохранительных органов рассматриваемого периода носило множественный характер, не имеющее какой–либо систематизации. Большим вкладом на данном этапе было принятие Уголовно–процессуальный кодекса 1922 года, который регламентировал деятельность органов предварительного расследования: дознания и следственного отдела.

Список литературы

1. Камалова Г.Т., Зорина Р.Ф. Советская милиция в борьбе с преступностью в годы НЭПа / Г.Т. Камалова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 43 (302).
2. Колемасов В.Н. Органы государственной безопасности и милиции в борьбе с преступностью (1917-1934 гг.) / В.Н. Колемасов // LexRussica. – 2016. – № 7 (116). С. 85-92.
3. Котельников А.С. О некоторых проблемах в работе органов безопасности в условиях перехода от «военного коммунизма» к новой экономической политике / А.С. Котельников // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2015. – № 2 (43). С. 36-42.
4. Кудрявцев Н.В. История органов рабоче-крестьянской милиции 1917-1920-х годов / В сборнике: Документ в оперативной и ретроспективной среде. Региональные исследования. Историк и власть сборник научных статей под общей редакцией Т.Н. Кондратьевой. Тюмень, 2013. С. 157-162.
5. Мальчук О.И. Становление оперативно-розыскной деятельности в советский период / Российский научный журнал. 2016. № 1 (50). - С. 161-165.

6. Нагорная Т.А. Правоохранительная функция советского государства в период Новой экономической политики / Т.А. Нагорная // Аграрное и земельное право. – 2013. – № 1. С. 126-132.
7. Надикова О.А. Организация деятельности милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью (1917-1930 гг.) / диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Казанский (Приволжский) федеральный университет. Казань, 2014. С.94.
8. Позднякова Е.В. История правового регулирования государственной службы в органах внутренних дел / Е.В. Позднякова // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. – № 1. С. 101-107.
9. Сафонова А.И. История государственной службы в органах внутренних дел / А.И. Сафонова // Актуальные проблемы права, экономики и управления. – 2015. – № 11. С. 188-190.
10. Соловьев В.В. Организация и правовое регулирование дознания в 1917-1930 гг. / Наука и образование: современные тренды. 2015. № 3 (9). С. 36-46
11. Соловьев В.В. Правовое регулирование и организация предварительного следствия в 1917 – 1930 гг. / Право и политика. 2013. № 3. С. 38. С. 392-400.
12. Токарева С.Н. Нормативно-правовые основы организации советской милиции в 1918 году / С.Н. Токарева // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2016. – № 17. С. 110-124.